
ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2023. № 1. С. 68—81.

Российская диссертационная культура в ситуации «фронтирного» перехода: историко-научное сообщество 1930—1950-х годов

Н. Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Предлагается взгляд на формирование советской диссертационной культуры 1930—1950-х гг. как переломный процесс драматической смены научных принципов и идеологии поколений ученых-историков, формировавшихся в контексте ценностей и идей второй половины XIX — начала XX века. Процессы адаптации поколений этой научной среды к политическому вызову и создаваемой советской научной системы рассматриваются на основе анализа особенностей защит диссертаций. Представленная интерпретация делопроизводительной группы источников, как носителей информационного ресурса по формированию советской системы защит диссертаций, дает возможность раскрыть бюрократическую подоплеку и тактику её организации. Значение приобретают выявление и обработка общего информационного ресурса и соответствующего анализа таких специфических источников как библиографические указатели о защищенных диссертациях. Первые опыты их разработки в Ленинградском и Московском университетах позволили представить динамику защит и статистическую картину этих процессов. Принципиально важным для понимания ситуации и общей атмосферы в науке являются реакции ученых-современников на создаваемую систему защит диссертаций. Отдельная сюжетная линия обращена к аналитической характеристике созданных советскими историками источников личного происхождения. Они стали основой обращения к вопросу о характере их индивидуального восприятия как задач диссертационной системы, так и политико-идеологического воздействия советской власти на процесс формирования концептуально-методологических основ исторического знания и культуры создаваемой диссертационной системы изучаемого периода.

Ключевые слова: *советская диссертационная система, диссертационная культура, «фронтирный переход», поколения советских историков, советские историки-диссертанты, библиографические указатели диссертаций, динамика защит диссертаций, марксистско-ленинская методология.*

Исследуемая тема, заданная тематикой научно-го семинара «Диссертационная культура научно-го сообщества советских историков 1920—1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых», побудила использовать метафору «фронт» для обозначения рубежного для России перелома/перехода «старой» — дореволюционной культуры — к ее новому — советскому варианту.

В сегодняшней научной практике специфические фронтирные зоны выявляются не только при изучении геополитических аспектов истории и связанных с ними процессов, но и в ситуациях социальных катаклизмов политико-идеологического и социокультурного происхождения. Они в этом случае порождают иные — *ценностные границы* — возникающие в ходе многосложных процессов внутринациональных противоречий, нередко становящихся культурно-идеологической

основой «разъединения» социальных слоев общества. Подобный ракурс в современных исследованиях определил актуальность взгляда на понятие «фронт» как историко-культурный феномен [Андреева, 2014; Глостанова, 2011. С. 126-149].

Характерная для раннего советского научного сообщества социальная и культурная многослойность, стала основой формирования различных групп ученых с несовпадающими воззрениями, принципами, политическими настроениями их представителей. Основной фронтирный разлом образовался в пространстве культурно-идеологической дихотомии «Свой» и «Чужой», порожденной не только революционными, политико-идеологическими, но для ученой среды — концептуально-методологическими процессами, разделившими историко-научное сообщество как минимум на две культуры. Вместе с тем, в условиях адаптационных процессов, происходивших между научными культурами — «старой» (дореволюционной) и «новой» (советской) —

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.

начался специфический процесс их взаимопроникновения, приведший к формированию промежуточных социальных феноменов. Их четкую идентификацию в целях отделения «старой» и «новой» культур в науке осуществить непросто, но не учитывать их взаимовлияния невозможно.

Подчеркну тот факт, что предпринимаемые попытки советской власти в конце первого десятилетия XX в. отторгнуть сложившийся опыт научных исследований и традиций подготовки ученых посредством диссертационной системы дореволюционной России, оказались фактически бесплодными. Отказ от ученых степеней и званий при помощи известного декрета 1918 г.¹ лишил какой-либо перспективы формирование в Советской России научного сообщества и развития науки. Это заставило представителей властных структур в середине 1930-х гг. при разработке программ деятельности образовательных и научных учреждений все же вернуться к дореволюционному научному наследию в виде опыта подготовки научных кадров высшей квалификации. Система нормативных документов², определявшая восстановление ученых степеней и званий, без всякого сомнения, разрабатывалась и внедрялась как рецепированный инструмент. Это заимствование, однако, встраивалось в контекст образовательных и академических задач в тесной связи с политико-идеологическими устремлениями нового политического режима.

Ставя задачу понять смысл и опыт «фронтального перехода» от академических ценностей дореволюционной университетской системы относительно ученых статусов к ценностям ее советского аналога, нами предпринимается попытка определить их сходство и различие, а также поставить вопрос об инновациях, характерных для реализуемого советского диссертационного проекта. Произошел ли «симбиоз» культур? Или научная культура пережила «антибиоз»? Это — те дополнительные вопросы, которые могут возникнуть при постановке и изучении предложенной

¹ Декрет СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской республики» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 999—1000.

² См.: Постановление СНК СССР от 13.01.1934 «Об ученых степенях и званиях» // Фронт науки и техники, 1934. № 2. С. 56—57; Постановление СНК СССР от 20 марта 1937 г. № 464 «Об ученых степенях и званиях» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 21 марта 1937. № 69; Постановление СНК от 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях» // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР от 15 мая 1938. № 21.

темы. Подчеркивая, что заданный ориентир касается совокупности аспектов, связанных с процессом становления советской диссертационной системы, в статье ограничимся обращением к некоторым из них.

Проблемы адаптации представителей российских ученых-историков к политико-идеологическим вызовам советской системы: из опыта защит диссертаций 1930-1940-х годов

Особенности позиций ученых, формировавшихся в ситуации политико-идеологического перехода, актуализировались многими современными историографами. В частности, Л. А. Сидорова подчеркнула, обращаясь к теме научных школ в советской исторической науке периода ее становления: «<...>ряд советских историков поколения «старой профессуры», являясь признанными авторитетами в своей области, работая со студентами и аспирантами, не создали собственной школы. Неодолимым препятствием стало нарушение нормальных взаимоотношений между двумя поколениями историков-ученых «старой школы» и молодыми «красными профессорами». Их миры сосуществовали, но взаимодействие, и личностное, и научное, было ограничено идеологией» [Сидорова, 2012. С. 15].

В историко-научной среде ученых, связанных с диссертационной культурой изучаемого периода, выделим, как минимум, две генерации. Ученые-историки «старой школы», родившиеся в 1870-х—1880-х годах, представляя старшее поколение, являлись основными носителями дореволюционных научных традиций. В контексте задач создания советского варианта диссертационной культуры именно они приняли на себя удар идеологической и методологической перестройки. Их позиция была наиболее уязвимой уже самим фактом причастности к дореволюционной (буржуазной) научной культуре, но их поведенческие мотивации на персональном уровне различались на тактическом уровне.

Более молодое поколение ученых-историков, родившихся на рубеже XIX-XX вв., формируясь в сходных условиях, также представляло неоднородное явление. В среде молодых современников, проходивших испытание защитой диссертаций, были и те, кто пытался дистанцироваться от новой идеологии, и те, кто был ориентирован на политико-идеологические установки советской власти и «марксистско-ленинскую» методологию. Отдельную страту представляли ученые, вынужденно занявшие компромиссную позицию.

Общая драматическая парадоксальность ситуации вылилась и в специфический феномен политики «двуликого Януса» со стороны советской

власти, выраженный соединением, казалось бы, несовместимых принципов в отношении к акторам научной культуры: определенный компромисс со стороны власти сочетался с известными репрессиями в отношении ученых. При этом не только относительно представителей «старой» научной культуры, но нередко и новоявленных историков-марксистов. Список ученых, в том числе историков, испытавших одновременно и признание, и преследования весьма внушителен. Характерны и одновременно уникальны судьбы диссертантов «старой школы», испытавших и репрессии, и защитивших докторские диссертации на основе советских нормативов: М. Д. Присёлков в 57 лет (1939), А. И. Андреев в 53 года (1940). Их идеологические позиции на защитах довольно специфичны. Если Приселков, посвятив существенную часть своих выступлений своему учителю — А. А. Шахматову, все же выразил мнение о необходимости новому поколению историков опираться на «марксистско-ленинскую методологию», то Андреев последовательно дистанцировался от подобной позиции [Алеврас, Гришина, 2022 а. С. 205-222.].

Изученные истории защит диссертаций демонстрируют и ситуации противостояния старой и новой научных культур, и случаи поддержки «старой» профессурой талантливой молодежи советского времени, входившей в науку в это переломное время. В частности, оба типа ситуаций совместились в ходе докторских защит Н. И. Покровского (1939) и А. И. Попова (1948). Для истории защиты Покровского, не имевшего официального научного руководителя и создававшего диссертацию по собственному почину, характерен специфический конфликт с представителями «старой школы» — оппонентами в лице Б. Д. Грекова и С. Н. Валка, отказывавшихся от оппонирования диссертации, настороженно и критически воспринявших тему, концепцию, стилистику её текста. Диссертация была посвящена истории кавказских народов и их освободительном движении под руководством Шамиля. В то же время его первый оппонент — филолог-арабист академик Ю. И. Крачковский, ровесник Грекова и Валка, а также неофициальный оппонент Покровского — историк-востоковед В. Д. Петрушевский (он — ровесник диссертанта), а оба они — высококлассные профессионалы и, по сути — его наставники, поддерживают идеи и методы соискателя, хотя не обходятся без критических замечаний. Они видели в нем историка-новатора, а в его идеях — перспективы разработки, не изученной на тот момент истории и культуры многонационального Кавказа, а потому подчеркивали цен-

ность его труда, которую «старые» профессора-историки не уловили [Алеврас, 2023. С. 259-276].

На докторской защите в 1948 г. историка-этнолога А. И. Попова его поддерживает этнолог-лингвист, членкор АН Д. В. Бубрих, выступавший в роли оппонента и неофициального его учителя, но резко критикует сверстник — молодой талантливый и преуспевающий ученый-археолог М. И. Артамонов (член ВКП(б) с 1940 г.) за теоретико-концептуальные расхождения с идеями Н. Я. Марра. Этот упрек рикошетом метил и в сторону Бубриха [Алеврас, 2022. С. 14—16]. Идеологические проработки, устроенные ему в 1949 г. сторонниками теории Марра, как свидетельствовала О. М. Фрейденберг, привели к скоростной смерти ученого [Дружинин, 2012. С. 577—578].

В этих и подобных случаях в пространстве рождавшейся новой диссертационной культуры структурировалась сложная по характеру палитра научных коммуникаций, в обостренной форме актуализировался вопрос о теоретико-методологических основаниях рассматриваемых в диссертациях историко-научных сюжетов. Неоднозначными по характеру становились межличностные отношения представителей различных сегментов научного сообщества и его отдельного локуса — диссертационной системы.

Некоторые аспекты источниковой основы изучения советской диссертационной культуры

Участники разрабатываемого проекта, прежде всего, выделили и определили для себя как первостепенную задачу — изучение информационного потенциала личных дел соискателей и стенографических отчетов защит диссертаций, которые можно отнести к виду делопроизводственной документации. По сути, многие документы этой видовой группы источников впервые вводятся в научный оборот.

Стенографические отчеты защит диссертаций — несомненно, центральный документальный комплекс, особенности информационного потенциала которого представляют повышенную значимость [Алеврас, Гришина, 2022 б. С. 129—134]. Формально выполняя функцию удостоверения факта защиты, сами особенности стенографирования¹ запечатлевали на страницах отчета

¹ 10 июня 1933 г. ВЦИК РСФСР принял постановление о введении Государственной единой системы стенографии (ГЕСС), в основу которой была положена разработанная в 1924 г. стенографическая система Н. Н. Соколова. Ход защит диссертаций на основе одной из инструкций Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 20.03.1937 г. требовалось фиксировать этим способом. [См.: Алеврас, Гришина, 2022 б. С. 130].

специфическое научное событие, которое, кроме требований, норм и правил его осуществления, имело сценарную основу с непредсказуемыми поведенческими мотивациями всех его участников. Историк науки в ходе изучения этого источника важно «войти» в общее коммуникативное поле, созданное акторами диссертационного события, определить систему взаимоотношений между ними, понять «расстановку сил» в ходе диссертационного диспута. И, конечно, выявить содержательный смысл роли каждого его участника на основе складывавшихся в ходе защит «мини-коммуникаций», что позволяет идентифицировать модели конкретных защит диссертаций. Определяя перспективу изучения явлений диссертационной культуры, полагаем, что совокупность моделей защит позволит выработать представления о многообразии «образов» диссертационных диспутов.

Исследование нормативных основ диссертационной культуры раннего советского времени уже получило реализацию в ряде статей и докладов. Но, немаловажно раскрыть «кухню» разработки основных нормативных актов, фактически определивших процедуру защит и получение ученых степеней и званий по «лекалам» еще дореволюционного Положения об ученых степенях (1864 г.), порожденного университетским уставом 1863 года. Относительно формирования советской нормативной основы диссертационной системы остаются не изученными вопросы, связанные с историей их происхождения. Кто именно инициировал и разрабатывал на основе явной рецепции дореволюционного опыта известные тексты Постановлений Совнаркома 1937 и 1938 гг., и этим самым создавал тот «фронтирный» мост, который, фактически, соединил две стороны границы между старым и новым опытом защит и спроецировал, по сути, черты российской «диссертационной» традиции на весьма длительную перспективу? Вопрос остается пока открытым.

Изучение опытов создания библиографических указателей о защищенных диссертациях стало отдельной задачей проекта. Ценность подобных специфических источников определяется перспективами формирования базы данных о защищенных диссертациях в различных институтах изучаемого времени. Первые полноценные библиографические указатели были подготовлены в Ленинградском (1955) и Московском (1956-1960) университетах¹. Они стали основой

для создания базы данных о защищенных диссертациях и разработки статистики их защит по историческим дисциплинам изучаемого времени в этих ведущих вузах СССР [Алеврас, Хамитова, 2022. С. 156-160].

Ниже по тексту в предлагаемой статье представлена не публиковавшаяся еще погодная динамика защит диссертаций историков указанных университетов за 1937—1954 гг.

Однако замечу, что полнота и точность информации о защитах диссертаций в указателях — относительны. В частности, в основу ленинградского указателя был положен факт выявления составителями текстов диссертаций. Но далеко не все защищенные диссертации ЛГУ были выявлены библиографами. В исследовательской литературе уже отмечались ряд изъянов этого указателя, которому «... свойственны два недостатка: 1) в него не включены все диссертации по истории 1941—1945 гг.; 2) он фиксирует дату «защиты» диссертации, но понимает под ней лишь время утверждения и не указывает время публичной защиты» [Бурдей, Бородкин, 1993. С. 109]. Можно говорить и о других особенностях этого издания. В частности, реализованный в нем опыт систематизации диссертаций по дисциплинарному признаку был весьма не совершенен.

Подчеркну, московский библиографический указатель, составленный под редакцией известных представителей исторической науки и исторической библиографии — П. А. Зайончковского, Э. А. Нерсесовой, К. Р. Симона — несомненно, явился более продуманным изданием с позиций методологии библиографии середины 1950-х годов. Его задачи можно свести к нескольким целеполагающим установкам: 1. Осветить деятельность МГУ в области подготовки научных и научно-педагогических кадров. 2. Доказать, что система библиографической информации, при должной обработке может быть положена в основу изучения истории науки. 3. Раскрыть проблемно-тематическое разнообразие диссертаций, подразделявшихся на систему научных дисциплин, в результате чего реализовывался дисциплинарный подход. 4. Наконец, выявить информацию о научных руководителях диссертаций кандидатского уровня, что по мысли составителей давало возможность говорить «о научных школах,

с 1934 по 1954 г. : библиогр. указ. Выпуск первый. М. : Изд-во Московского университета, 1956; Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. : библиогр. указ. Выпуск третий. Факультеты: исторический, филологический и факультет журналистики. М. : Изд-во Московского университета, 1960.

¹ См.: Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А. А. Жданова, 1934—1954 гг. : библиогр. указ. Л., 1955; Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете

под влиянием которых ведется <...> подготовка квалифицированных специалистов»¹. Формулировка последней из перечисленных задач позволяет полагать, что тема «научных школ» уже в середине 1950-х гг. осознавалась учеными как отдельный предмет истории науки, и этим подчеркивалось особое место «остепененной» среды исследователей в научном сообществе. Этот факт весьма примечателен, если учесть, что изучение состояния исторической науки данного периода было слабо разработано, а проблема научных школ в историографии еще не была актуализирована.

Вместе с тем, полнота выявленных защит диссертаций и московского указателя, вероятно, нуждается в уточнении. В ближайших планах осуществляемой работы над проектом предполагается не только корректировка исходных данных о количестве защищенных диссертаций, зафиксированных в обоих библиографических указателях, но и пополнение базы данных за счет использования расширенного историко-библиографического ресурса о защитах диссертаций иных академических и образовательных учреждений.

Сопоставляя же имеющуюся информацию указателей Ленинградского и Московского университетов, нельзя не заметить, кроме сказанного, не совпадающие принципы обобщения ими информации о защищенных диссертациях и не схожие целеполагания этих изданий, что породило различающиеся подходы их составителей к структурированию информации о защищенных диссертациях по дисциплинарно-тематическим направлениям исторической науки. Сам по себе этот факт объективно является свидетельством отсутствия к середине 1950-х гг. единых принципов, положенных в основу, как классификации исторических дисциплин, так и понятийных дефиниций их определяющих. Иными словами, не было выработано стандарта дисциплинарной классификации формировавшихся областей исторического знания. С этим же связано не четкое подразделение диссертаций в практике тогдашних защит по их научным специальностям.

Но, несмотря на погрешности выявленного библиографическими указателями ЛГУ и МГУ информационного ресурса об объекте наблюдения и несовпадение принципов их структурирования, они все же позволили заложить основу базы данных о защищенных диссертациях ученых-историков по общим параметрам их сходных характеристик. Это дает возможность выявить, как

¹ Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. : библиогр. указ. Выпуск третий. М. : Изд-во Московского университета, 1960. С. 7.

минимум, ведущие тенденции в динамике защит.

Полученные результаты общей статистической обработки базы данных позволили представить специфические особенности и инновации советской диссертационной системы на изучаемом этапе ее формирования в сравнении с дореволюционным научным опытом в этой сфере.

Одной из специфических черт формирующейся новой диссертационной системы можно считать внедрение в сферу гуманитарных дисциплин истории КПСС и появление диссертаций по данной тематике. В частности, в Ленинградском университете применительно к диссертантам-историкам были организованы защиты и учтены в указателе диссертации по этой тематике: их зафиксировано — 224. Но подобная категория диссертантов не была выделена среди историков в указателе МГУ. Поэтому при разработке общей статистики защит диссертаций в указанных университетах в виде предлагаемой ниже диаграммы, пришлось эту группу диссертаций оставить «за скобками».

В то же время в МГУ диссертации по подобной тематике, хотя и не были учтены, но в содержании первого выпуска библиографического указателя, в котором представлен общий обзор статистики защит в виде таблиц о количестве диссертаций в целом по вузу, включавший число защищенных работ по «марксизму-ленинизму». Детальную информацию об этой категории диссертаций составителями предполагалось опубликовать позднее в отдельном выпуске указателя, однако это не было реализовано.

Исходя из общих сведений московского указателя, кафедра марксизма-ленинизма столичного университета с 1947 г. получила эксклюзивное право осуществлять защиты диссертаций. К году кафедрой было подготовлено и защищено 177 диссертаций, среди которых только две имели статус докторских. Другая структура — Институт повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ также с 1950 по 1954 гг. также получила подобное право. Здесь были защищены 363 диссертации. Все их авторы претендовали на статус кандидатов наук². Не имея в распоряжении данных о тематике и авторах этих диссертаций, можно лишь предполагать, что часть диссертантов этих институций вуза специализировались по истории КПСС.

Немаловажно также заметить, что в ученых советах ЛГУ и МГУ осуществляли защиту многие представители региональных и республиканских

² Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г. : библиогр. указ. Выпуск первый. М. : Изд-во Московского университета, 1956. С. 8.

высших учебных заведений, в большинстве которых далеко не все ученые советы того периода получили право осуществлять защиты диссертаций.

Из итоговых показателей защит диссертаций следует подчеркнуть факт малого количества защищенных докторских диссертаций. Из 825 осуществленных в 1937—1954 гг. защит по «гражданской» (русской и всеобщей) истории в обоих университетах число докторских защит составило лишь 63 — то есть, 7,6 %¹.

Для сравнения приведем данные о доле докторских диссертаций, защищенных историками всех дореволюционных российских университетов в 1804-1919 годах. Она составила 35,5 % [Диссертационная культура, 2022. С. 100].

Несомненно, низкий процент докторов в ведущих университетах изучаемого периода может рассматриваться как специфическое выражение «фронтирного» кризиса в национальной исторической науке изучаемого времени.

Представлю составленную на основе ленинградского и московского библиографических указателей погодную диаграмму защит диссертаций.

Несмотря на относительно медленный количественный рост защищаемых диссертаций соискателями ученых степеней по историческим наукам, можно обратить внимание на точки пиковых значений защит, свидетельствующих об устойчивой тенденции к их росту. Первый подъем пришелся на предвоенный 1941 год². Второй — произошел в послевоенном 1947 году, последовавший после вполне объяснимого спада защит диссертаций военного и послевоенного периода (1942—1946 гг.) Вместе с тем, заметим, что и в условиях военного времени защиты диссертаций стабильно поддерживались научным сообществом историков, что уже отмечалось исследователями [Бурдей, Бородкин, С. 106—126].

После некоторого спада защит диссертаций в 1948—1949 гг., который предположительно можно объяснить остротой начального периода политической кампании борьбы с космополитизмом, а также введением в организацию защит ряда инноваций послевоенного времени, начался интенсивный рост диссертационной активности, пиковое значение которой пришлось на 1953 год.

¹ Можно заметить, что низкий удельный вес докторских защит характерен был и для других специальностей. В частности в МГУ из зафиксированных 4327 защищенных в 1934—1954 гг. диссертаций по всем научным дисциплинам, лишь 386 номинировались на докторскую степень. См.: Там же. С. 9. Нетрудно посчитать: доля докторских диссертаций от общего их количества в МГУ составила 8,9 %.

² Учтены все защиты, как за довоенные, так и военные месяцы этого года.

Реакции современников на проблему докторских защит

В рамках общего процесса защит диссертаций современники не могли не заметить ситуации с фактом малой доли защищаемых историками докторских диссертаций. Интересны в этой связи позиции А. М. Панкратовой и М. В. Нечкиной. Поддерживавшие между собой деловые и дружеские отношения, видные представительницы советской исторической науки не обошли вниманием различные аспекты состояния данной области научной культуры.

Любопытным фактом можно считать появление сюжета с темой о диссертациях в известной записке Панкратовой «Мой путь в науку». Она составлена ею 8 марта 1939 г. в период заведывания кафедрой истории народов СССР Саратовского университета и была приурочена к праздничной дате. Текст записки ориентирован на женскую аудиторию. Завершалась она выражением надежды на то, что к следующему «международному женскому дню» ей удастся «подготовить к защите диссертаций несколько женщин — молодых научных работников и тем самым пополнить ряды нашей передовой советской науки новыми энтузиастками науки <...>» [Историк и время, 2000. С. 215].

Среди «сообязательств» Панкратовой, составленных ею осенью этого же года значится организация индивидуальной помощи аспирантам, а также — «преподавателям, работающим над подготовкой диссертаций» [Там же. С. 216].

В 1947 г., когда в Институте истории АН отмечалось 50-летие Панкратовой, И. И. Минц в своем выступлении подчеркнул, что Анна Михайловна, имея десятки учеников «не знает себе равных» в подготовке кадров «молодых историков» [Там же. С.237-238].

Е. Б. Бекмаханов, продолжая эту тему, также отмечал, что Панкратова, приехав в Алма-Ату, в первую очередь взялась за подготовку научных кадров Казахстана: «...десятки молодых аспирантов ... числились за А. М. Панкратовой» [Там же. С. 239].

Интерес представляет и переписка между А. М. Панкратовой и М. В. Нечкиной в феврале-начале марта 1953 года по поводу готовящейся статьи Панкратовой «Насущные вопросы советской исторической науки», опубликованной впоследствии в апрельском номере журнала «Коммунист» этого года. В ней Панкратова подчеркивала проблему подготовки научных кадров высшей квалификации, заметив, что в секторе новейшей истории Института истории имелся всего один доктор. Из переписки с Нечкиной следует, что

Количество кандидатских и докторских диссертаций, защищенных историками в МГУ и ЛГУ (1937—1954 гг.)

Источники: Диссертации, защищенные в Ленинградском Ордена Ленина Государственном университете имени А. А. Жданова, 1934—1954 гг.: библиографический указатель. Л., 1955; Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 г.: библиогр. указ. Выпуск третий. Факультеты: исторический, филологический и факультет журналистики. М.: Изд-во Московского университета, 1960.

Панкратова прислала ей гранки статьи, с просьбой внести «замечания» [История в человеке. 2011. С. 659]. Нечкина 1 марта 1953 г. живо отозвалась на предложение. Обсуждая проект статьи Анны Михайловны, Милица Васильевна поддерживает эту тему, предлагая вставить в планируемую статью сюжет «об отставании докторского звена в подготовке исторических кадров...». Она сопроводила свое наблюдение следующей ремаркой: «Кандидатов довольно много, но они, как правило, туго и медленно растут в доктора, а нередко даже и вообще в этом направлении не растут и не ставят сами перед собой такой задачи. Это наносит ущерб делу нашей науки...». Предлагала она сформулировать также «требование о повышении качества наших научных дискуссий [Там же. С. 660]. Но, по наблюдениям составителей цитируемого издания предложения Нечкиной не нашли прямого выражения в тексте статьи Панкратовой [Там же. С. 667]. Не вызывает сомнения, что их обеих в одинаковой мере беспокоили проблемы подготовки кадров высшей квалификации в историко-научном сообществе¹. Ориентация на увеличение защит докторских диссертаций рассматривалась в качестве насущной задачи советской исторической науки.

Советская диссертационная культура в контексте становления марксистско-ленинской методологии

Проблема овладения марксистско-ленинской методологией историками «эпохи сталинизма», является еще одной актуальной темой для понимания специфики не только общей ситуации в науке, но формировавшейся диссертационной системы 1930—1950-х годов. Задача выявления характера вырабатываемых учеными стратегий на этот методологический вызов, уже не раз акцентировалась в современной историографии. Существенный вклад в изучение данного феномена внес А. М. Дубровский [Дубровский, 2005; Дубровский, 2017]. Отвечая на значимый и для рассматриваемой проблематики вопрос, что стояло за позицией представителей дореволюционного историко-научного сообщества: вынужденное или искреннее признание нового — марксистского теоретико-методологического учения, историк выразил своей концептуальной версией. Обращаясь к созданию исторических портретов виднейших представителей советской исторической науки 1930-1950-х гг., в том числе выходцев из рядов «историков старой школы», Дубровский спроецировал взгляд на драматическую проблему «компромисса в науке» в условиях сталинской эпохи. Он раскрыл ее на основе выявления личностно-типологических феноменов, различающихся спецификой избранных и, с большой долей вероятности, вынужденно занятых учеными-историками компромиссных тактических позиций [Дубровский, 2017 С. 492—546].

¹ В качестве ремарки замечу, что ни А. М. Панкратова, ни М. В. Нечкина не защищали диссертаций, но содействовали организации защит диссертаций и не раз выступали оппонентами на диссертационных диспутах.

В рамках разрабатываемой проблематики не-маловажным является вопрос определения места/роли диссертационной системы в этом политико-идеологическом процессе. Остается значимым и аспект относительно значимости дореволюционного методологического опыта для ученых, оказавшихся после политических событий 1917—1918 гг. в рядах советского научного сообщества?

К моменту этого перелома в дореволюционном российском научном сообществе господствовала традиция свободного выбора методологических оснований историко-научного исследования. Более того, каждый ученый мог претендовать на разработку своей собственной методологии. Этой линии, вероятно, пытался следовать Н. М. Покровский, за что и поплатился в своей посмертной судьбе.

Наиболее крупной фигурой историка-методолога в дореволюционной России являлся А. С. Лаппо-Данилевский. Многочисленные исследования о его научной деятельности в этом направлении, представленные О. М. Медушевой, М. Ф. Румянцевой, В. П. Корзун и др. вполне подтверждают этот факт. Но, заметим, его методологическая доктрина, противостоявшая позитивистской догме, сформировалась незадолго до революционных событий первых десятилетий XX в. и не была глубоко осмыслена и усвоена широким кругом его современников. Обратимся к ряду сюжетов из истории защит диссертаций, в ходе которых актуализировались аспекты методологии истории с ориентацией на ее марксистско-ленинские идейные основания.

Из методологического опыта

О. А. Добиаш-Рождественской

Тема марксистско-ленинской методологии в различных вариациях присутствовала в ряде оппонентских выступлениях виднейшего медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской. По одной из версий она никогда не состояла в политических партиях, и Советскую власть «приняла сразу и безоговорочно» [Ерошкина, 2018. С. 103]. Её учитель И. М. Гревс в подобном же контексте подтверждал в свое время: «Она была политически беспартийная, но оказалась деятельной общественницею, принимающей идею революционного долга (прежде всего, в защите студенческих интересов)» [Гревс, 1987. С. 292]. Вместе с тем имеются сведения, что историк с 1916 до середины 1917 г. состояла в партии кадетов, что стало причиной ее непродолжительного ареста в августе-сентябре 1919 года [Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна / Биографический словарь; Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна / Биографика СПбГУ.].

Отойдя от какой-бы то ни было политической деятельности после этих событий, Добиаш-Рождественская в ряде отзывов о защищаемых в Ленинградском университете диссертациях подерживала актуализированный советской властью политико-идеологический тренд. Сами по себе отзывы историка раскрывают её непревзойденный методологический талант глубокого мыслителя-ученого, преподносившего свои оппонентские замечания сквозь призму оригинальных, стилистически-изысканных суждений, иногда превращаемых ею в специфические научные претензии в легком сатирическом контексте. Ограничусь несколькими фрагментами из ее отзывов с элементами «марксистского» подхода.

На защите в 1938 г. кандидатской диссертации С. М. Пумпянского «Восстание Этьена Марселя», оцененной ею довольно высоко, она в свой текст выступления последовательно вводила аспекты, связанные с необходимостью следовать «марксистско-ленинской» методологии. Ограничусь двумя фрагментами из ее отзыва: «... все те, иногда очень деловые и очень марксистские вещи, которые скрываются в пяти сакральных актах, не обозначены отчетливо»; «Специальными марксистскими вдохновениями Вашей работы Вы обязаны, конечно, Вашему прямому руководителю О. Л. Вайнштейну» [Добиаш-Рождественская, 1987. С. 232, 234.].

В отзыве на диссертацию И. В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX—XII вв.» (1937 г.) Добиаш-Рождественская, акцентируя внимание на ее слабые стороны, с одной стороны, подчеркнула в духе времени его «здоровое стремление сразиться с буржуазной литературой и ее отщелкать <...> с обычных стратегических пунктов борьбы: скажем за идеализм, за либерализм, за формализм». С другой стороны, она вполне отчетливо критически упрекнула автора: «Вы взяли тему слишком обширную. Вы спешили. Вы хотели подать марксизм-ленинизм наспех» [Там же. С. 240, 243].

Так или иначе, в ее позиции сочетается высочайший уровень историка-профессионала, должного (или *вынужденного*?) считаться с реалиями жизни советского ученого. Но отдавая дань «реалиям», она стремилась в первую очередь поставить на высокую ступень профессиональные качества и мастерство ученого-историка, ориентируясь на источниковедческий вектор подготовки историка.

Методологические акценты Б. Д. Грекова

В 1940 г. на докторской защите ученика Лаппо-Данилевского — А. И. Андреева — со стороны его оппонента Б. Д. Грекова, в свое время также примыкавшего к ученическому сообществу

великого ученого, прозвучала мысль об утрате значимости его методологических идей. В контексте задач переоценки методологического наследия Лаппо-Данилевского он предлагал его источниковедческий опыт перевести на «рельсы... современной марксистско-ленинской методологии» [См.: Алеврас, Гришина, 2022 а С. 219]. Этим самым и в контексте формирующейся советской диссертационной культуры закладывался тренд отрицания методологических идей и забвения «Методологии истории» Лаппо-Данилевского.

Несомненно, диссертационная культура изучаемого времени, формировалась в ситуации последовательного внедрения в сознание ученых «марксистско-ленинской» парадигмы как методологической основы знания в целом. Поскольку этот процесс осуществлялся в ходе продолжавшейся «классовой борьбы» против «буржуазной» науки и «буржуазных» ученых, а значит против многих представителей дореволюционной научной среды, перед ними остро вставали задачи адаптации к этому вызову. Актуальным выбором для разных поколений историко-научного сообщества становится овладение этой методологией. Упомянутое выступление Грекова, в то время возглавлявшего Институт истории РАН, несомненно, провоцировалось проблемами приспособления к формирувавшейся идеологической атмосфере в науке и являлось выражением компромиссной тактики.

Феномен Л. В. Черепнина

Судьбы советских историков, связанные в частности, со страхом от перенесенных репрессий, нередко заставляли некоторых из них склоняться в сторону новой марксистской методологии и выступать критиками дореволюционных историков-методологов.

Характерен пример Л. В. Черепнина, сполна пережившего свою репрессивную историю и начавшего целенаправленно формировать в себе марксистско-ленинские убеждения. В текст его воспоминаний [Черепнин, 2015] вошли значимые моменты жизни, как самого мемуариста, так и его современников. Среди них имеется целый ряд пассажей, связанных с темой защит диссертаций, в том числе — аспирантской защитой в 1929 г. высоко чтимого им Н. М. Дружинина (к этому сюжету вернемся далее).

Другая значимая для нас тема связана с описанием подготовки собственной докторской диссертации Черепнина и защиты её в 1946 году. Описание работы над ней в условиях маленькой однокомнатной квартиры, где негде было расположить многочисленные папки с материалами

диссертации, пронизано ностальгическим чувством творческого вдохновения тех лет. «Рабочим местом мне служил маленький круглый столик и миниатюрный диванчик. И стол, и диванчик были завалены книгами и копиями [документов], которые все время падали. Очень страдала моя жена, которой совсем уже негде было приютиться, а ведь она работала, и ей надо было отдохнуть и хозяйством заняться. И все же это время я вспоминаю с теплым чувством. Оно было, пожалуй, наиболее творческим в моей жизни» — отмечал Черепнин, подчеркивая, что впоследствии он уже имел большую квартиру и обзавёлся хорошей домашней библиотекой. На уровне самооценки он резюмировал: «Но лучшее из написанного мною («Русские феодальные архивы») относится к тому времени, когда этих условий не было» [Там же. С. 168].

Сам процесс своей докторской защиты, представленный довольно лаконично, фиксировался им на фоне победоносного 1945 года и воспринимался как творческий апогей. Характеризуя состав Ученого совета, он отметил его немногочисленность (15 человек), но подчеркнул когорту присутствующей научной элиты: «...были это люди маститые: Греков, Пичета, Косминский, Бахрушин, Богоявленский» [Там же. С. 171]. Процедура диспута зафиксирована немногословно: «Все отзывы были положительные, возражения не столь крупные. Но я очень волновался, нервничал, отвечал занозисто, задиристо. Мне говорили, что моими ответами многие остались недовольны. В частности, ворчал Тихомиров <...> степень присуждена единогласно» [Там же. С. 170—171].

Его мемуарные самоощущения не прошли мимо ряда важных для него деталей, в частности: представления им к защите рукописи диссертации в полутора тысяч страниц, многочисленных поздравлений и подаренных букетов цветов. Отметим он и свои визиты на следующей день к друзьям — А. И. Яковлеву, а потом и к С. К. Шамбинаго, с которым в честь диссертационного события распили бутылочку вина. Несомненно, день защиты диссертации историк пережил как один из самых счастливых эпизодов своей жизни.

Некоторой загадкой может показаться выбор Черепниным-мемуаристом завершающего хронологического предела воспоминаний, фактически оборванных событием защиты его докторской диссертации.

Представив на самых последних страницах «Моей жизни» личность высоко ценимого им Б. Д. Грекова, а потом процесс смены директоров Института истории после его смерти, он за-

вершил их портретной зарисовкой уважаемой им А. М. Панкратовой, после чего воспоминания не стал продолжать. Вероятно, ощущал, что с этими событиями и окружавшими его людьми уходила его эпоха. Но, можно полагать, были и другие причины его намеренных умолчаний.

Ведь не перешагнув в автобиографическом тексте черту даты докторской защиты, Черепнин немногим позже после неё напишет (или *вынужден* будет написать, если иметь в виду полосу пережитых им проработок и критики 1948-1949 гг.) статью «А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед» [Черепнин, 1949. С.30-51]. Современными историографами она расценивается как «официальный приговор» творчеству дореволюционного историка [Трансформация образа, 2011. С. 424].

Во многом, в связи с этой статьей для другого историка-мемуариста советской эпохи — А. А. Зимина — «Лев Владимирович» предстает одной «из самых трагических фигур нашей науки». Переход талантливого, но «несчастливого Льва» на позиции «марксизма-ленинизма» Зимин расценивал как его «грехопадение», включавшее, в том числе и «бичевание» Лаппо-Данилевского как буржуазного историка [Судьба творческого наследия, 2015. С. 168, 171, 173 и далее]. Были у Зимина и серьезные претензии к изданному на основе докторской диссертации двухтомнику «Феодалных архивов», в особенности ко 2 тому. Создавая большой психологический, по сути, портрет Черепнина-ученого, Зимин горестно подытожил: «Возмездием Льву были и потеря творческого гения..., и полное одиночество <...> Бедный Лев, такая сломанная жизнь была <...> у человека, способного когда-то на многое в науке» [Там же. С. 185—186].

Вероятно, в своих воспоминаниях Черепнин явно не хотел ворошить многих фактов своей биографии. Возможно, в этой позиции была и какая-то доля раскаяния проявленной слабости историка.

Отмечая, что тема защит диссертаций лейтмотивом проходит в его автобиографических зарисовках, заметим, что Черепниным весьма колоритно были зафиксированы эпизоды, демонстрирующие процессы внедрения в советскую диссертационную культуру идейно-политических концепций К. Маркса и В. И. Ленина. Характерен сюжет с описанием в РАНИОНе упомянутой защиты диссертации Н. М. Дружинина, которого он высоко ценил как ученого, подчеркивая одновременно, что в годы учебы тот уже был «убежденным марксистом».

Вспоминая его диспут, он, с одной стороны, обратил внимание на позицию С. В. Бахрушина, отметившего в качестве достоинства диссертации

тот факт, что при анализе «Конституции» Никиты Муравьева Дружинин применил — дореволюционный по происхождению — «шахматовский метод». С другой стороны, подчеркнул позицию оппонентов Дружинина в лице М. В. Нечкиной и С. А. Пиантовского, на советский лад инициировавших дискуссию о характере диссертации Дружинина. Содержание их полемики дало основание Черепнину признать: «...на диспуте говорилось не столько о профессиональном мастерстве Николая Михайловича, о достоинствах его труда, являющегося вкладом в науку, сколько о несоответствии диссертации требованиям марксистской методологии» [Черепнин, 2015. С. 111].

Поскольку в ходе дискуссии Дружинин отстаивал свою научную позицию ссылкой на Ленина, а Нечкина его довод не принимала, присутствующий на защите «старый большевик С. И. Мицкевич» изрек: «из замечаний же М. В. Нечкиной мне стало ясно, что она сама в марксизме разбирается довольно слабо». Мнения диспутантов в оценке диссертации разделились, это дало основание Нечкиной констатировать, что «среди присутствующих прошел фронт классовой борьбы» [Там же]. Сам по себе представленный Черепниным сюжет является знаковым. Подчеркнутый им фрагмент защиты показателен тем, что диссертационная система и институт защит диссертаций, рассматривались как инструмент внедрения марксизма в сознание формирующейся среды советского научного сообщества взамен «буржуазных методологий» представителей дореволюционной науки. Но в позиции Черепнина, несмотря на его стремление овладеть марксистско-ленинской доктриной, все же явно просматривается критическое восприятие участников дискуссии с марксистскими настроениями. Его отношение к диспуту Дружинина свидетельствует, что принимаемые им теоретико-методологические основания исторического знания из марксистского багажа должны были сочетаться в облике ученого-историка с профессионализмом, спроецированным в область задач источниковедческой природы.

И все же примеряя на себя роль последовательного историка-марксиста, тему марксистской методологии он подчеркнул считал актуальной: она, фактически, лейтмотивом проходит через все содержание «Моей жизни». Вспоминая когорту студентов РАНИОНа 1920-х годов, он особо отметил: «Это молодежь ищущая, хотевшая сама разобраться в вопросах теории и сознательно приходившая к убеждению в правоте марксистской идеологии» [Там же. С. 110].

Подобный идейно-методологический тренд Черепнина не является исключением. Многие его знаменитые современники из «старой школы

историков», как это представил А. М. Дубровский, прошли и пережили нечто подобное.

Причудливое сочетание профессиональных принципов в деятельности ученого-историка с

идеологическими задачами «марксистского» толка — несомненный феномен советской науки и органической ее части — диссертационной системы/культуры.

Список литературы

1. Алеврас Н. Н. «Евразийские» мотивы в изучении финно-угорских народностей в диссертации А. И. Попова и полемика на докторской защите, 1948 г. // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации. Т. II. Общество, культура и искусство в исторической ретроспективе и современном мире: материалы Международного научного культурно-образовательного форума (Челябинск, 6—8 апреля 2022 г.) Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2022.
2. Алеврас Н. Н. Защита диссертаций Николаем Ильичом Покровским в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1.
3. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Историк из дореволюционного прошлого в советской диссертационной системе: защиты докторских диссертаций М. Д. Присёлковым (1939) и А. И. Андреевым (1940) // Диалог со временем, 2022а. Вып. 80.
4. Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Стенографические отчеты о защитах диссертаций ученых-историков в 1930-1940-х гг. как источник // Историко-культурное наследие в институциональном измерении: материалы II Уральского историко-архивного форума, посвященного 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Уральском федеральном университете / отв. редактор Л. Н. Мазур ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022б.
5. Алеврас Н. Н., Хамитова К. А. Создать научную элиту: абрис диссертационной культуры ученых-историков 1930—1950-х годов сквозь информационную призму библиографических указателей // Академическая гуманитарная наука в XX — начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН. В 2 ч. Ч. II / отв. ред. З. Я. Рахматуллина. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022.
6. Андреева А. А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Майкопского государственного технологического университета, 2014. Вып. 03. URL: <http://lib.mkgtu.ru/index.php/vestnik-mgtu/issue?issue=2014-03> (Дата обращения: 03. 02. 2023).
7. Бурдей Г. Д., Бородкин Л. И. Защита диссертаций по гражданской истории в 1941-1945 гг. (Источники, проблематика, динамика) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 24. М., 1993.
8. Гревс И. М. О. А. Добиаш-Рождественская в годы учения (Воспоминания учителя) // Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья: научное наследие / отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1987.
9. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX — начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 464 с.
10. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие / отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1987. 351 с.
11. Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна // Биографика СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/1354-dobiash-rozhdestvenskaya-ol-ga-antonovna.html> (Дата обращения: 03.02.2023)
12. Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М.: НЛЮ, 2012. Т. 2. 704 с.
13. Дубровский А. М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск : Изд-во БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 800 с.
14. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930-1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
15. Ерошкина О. Н. Интеллектуально-творческий потенциал дореволюционной интеллигенции Петрограда-Ленинграда в условиях НЭПа // Интеллигенция и мир, 2018. № 3.
16. Историк и время. 20—50-е годы XX века. А. М. Панкратова. М. : Мосгорархив, 2000. 360 с.
17. История в человеке. Академик М. В. Нечкина : док. моног. / сост. Е. Л. Рудницкая, С. В. Мироненко. М. : Новый хронограф, 2011. 1104 с.: илл.

18. Сидорова Л. А. Школы в советской исторической науке: традиции и особенности // исторический журнал: научные исследования. 2012. № 3 (9).
19. Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна // Биографический словарь. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=44 (Дата обращения: 03.02.2023).
20. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М. : Аквариус, 2015. 440 с.
21. Глостанова М. В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественности идентификации // Вопросы социальной теории, 2011. Т. V. С. 126—149.
22. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. /под ред. В. П. Корзун. М. : РОССПЭН, 2011. 471 с.
23. Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8.
24. Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1 / сост., общ. ред. В. Д. Назарова. М. : Языки славянской культуры, 2015. 400 с.

Сведения об авторе

Алеврас Наталия Николаевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета. vhist@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2023. No. 1. P. 68—81.

Russian Dissertation Culture in the “Frontier” Transition: Community of Historians of the 1930s—1950s

N. N. Alevras

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vhist@mail.ru

The research is carried out with funding from Russian Academic Foundation,
project number 22-28-00557.

This paper suggests a special view on the formation of the Soviet dissertation culture in the 1930s-1950s and considers it as a critical process in the dramatic changing of academic principles and ideology of different generations of historians who were becoming specialists within the values and ideas of the second half of the 19th — early 20th centuries. The work studies the adaptation of these academic generations to the political challenge and newly-established Soviet academic system by analyzing the specifics of dissertation defense. The authors present the paperwork resources as a source of information for forming the Soviet system of dissertation defense. This interpretation discloses the bureaucratic background and its organizational tactics. It is also important to identify and process the common information resources and analyze such specific sources as references of defended dissertations. The first attempts in Leningrad and Moscow universities to develop them helped the authors reconstruct the defense dynamics and the statistics of these processes. To understand the situation and the overall atmosphere in the academic community it is crucial to review the reactions of contemporaries to the newly-created dissertation defense system. A specific plot line addresses to the analytical characteristics of the personal-origin sources created by Soviet historians. They are the ground for studying the individual perception of both the goals of the dissertation system and the political and ideological impacts of the Soviet authorities on the formation of the conceptual and methodological bases of historical knowledge and the culture of the created dissertation system of the period in question.

Keywords: *Soviet dissertation system/culture, “frontier transition”, generations of Soviet historians, soviet dissertationist historians, lists of dissertation references, dissertation defense dynamics, Marxist-Leninist methodology.*

References

1. Alevras N.N. «Evraziiskie» motivy v izuchenii finno-ugorskikh narodnostei v dissertatsii A.I. Popova i polemika na doktorskoj zashchite, 1948 g. [The Eurasian motives in the study of Finno-Urgic nations in A.I. Popov's dissertation and the doctoral defense dispute, 1948]. *EVRAZIYA-2022: sotsial'no-gumanitarnoe prostranstvo v epokhu globalizatsii i tsifrovizatsii. T. II. Obshchestvo, kul'tura i iskusstvo v istoricheskoi ret-*

rospektive i sovremennom mire: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kul'turno-obrazovatel'nogo foruma (Chelyabinsk, 6—8 aprelya 2022 g.). Chelyabinsk, Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2022. (In Russ.).

2. Alevras N.N. Zashchita dissertatsii Nikolaem Il'ichom Pokrovskim v Leningradskom universitete [The dissertation defense by Nikolay Ilyich Pokrovsky at Leningrad University]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2023, vol. 68, iss. 1. (In Russ.).

3. Alevras N.N., Grishina N.V. Istoriki iz dorevolutsionnogo proshlogo v sovetskoj dissertatsionnoi sisteme: zashchity doktorskikh dissertatsii M.D. Priselkovym (1939) i A.I. Andreevym (1940) [The historians of the pre-revolutionary period in Soviet dissertation system: doctoral dissertation defense of M.D. Priselkov (1939) and A.I. Andreev (1940)]. *Dialog so vremenem*, 2022, iss. 80. (In Russ.).

4. Alevras N.N., Grishina N.V. Stenograficheskie otchety o zashchitakh dissertatsii uchenykh-istorikov v 1930—1940-kh gg. kak istochnik [Verbatim reports of dissertation defenses by historians in the 1930s-1940s as a source]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie v institutsional'nom izmerenii*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. (In Russ.).

5. Alevras N.N., Khamitova K.A. Sozdat' nauchnyu elitu: abris dissertatsionnoi kul'tury uchenykh-istorikov 1930—1950-kh godov skvoz' informatsionnyu prizmu bibliograficheskikh ukazatelei [Creating the academic elite: the outline of the dissertation culture of historians of the 1930s—1950s as reflected in lists of references]. *Akademicheskaya gumanitarnaya nauka v XX — nachale XXI v.: dostizheniya, trendy i perspektivy razvitiya*. Part II. Ufa, IYAL UFITs RAN, 2022. (In Russ.).

6. Andreeva A.A. «Frontir» kak kul'turno-istoricheskaya kategoriya [Frontier as a cultural and historical category]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, iss. 03. Available at: <http://lib.mkgtu.ru/index.php/vestnik-mgtu/issue?issue=2014-03>, accessed 03. 02. 2023. (In Russ.).

7. Burdei G.D., Borodkin L.I. Zashchita dissertatsii po grazhdanskoj istorii v 1941—1945 gg. (Istochniki, problematika, dinamika) [Civic history dissertation defenses in 1941-1945 (sources, problems, and dynamics)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Vol. 24. Moscow, 1993. (In Russ.).

8. Grevs I.M. O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya v gody ucheniya (Vospominaniya uchitel'ya) [O.A. Dobiash-Rozhdestvenskaya in her years of study (teacher's memoir)]. *Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. Kul'tura zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya: nauchnoe nasledie*. Moscow, 1987. (In Russ.).

9. *Dissertatsionnaya kul'tura rossiiskogo istoriko-nauchnogo soobshchestva: opyt i praktiki podgotovki i zashchit dissertatsii (XIX — nachalo XX v.): kollektivnaya monografiya* [The dissertation culture of the Russian community of historians: the experience and practices of preparing and defending dissertations (19th early 20th centuries): a collective monograph]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022. 464 p. (In Russ.).

10. Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. *Kul'tura zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya: nauchnoe nasledie* [The culture of Western European Middle Ages: the academic legacy]. Moscow, 1987. 351 p. (In Russ.).

11. Dobiash-Rozhdestvenskaya Ol'ga Antonovna [Dobiash-Rozhdestvenskaya Olga Antonovna]. *Biografika SPbGU*. Available at: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/1354-dobiash-rozhdestvenskaya-ol-ga-antonovna.html>, accessed 03.02.2023. (In Russ.).

12. Druzhinin P.A. Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: dokumental'noe issledovanie [Ideology and philology. Leningrad, the 1940s: a documental research]. Moscow, NLO, 2012. Vol. 2. 704 p. (In Russ.).

13. Dubrovskii A.M. *Istoriik i vlast'.* *Istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930—1950-e gg.)* [The historian and authorities. Historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930s—1950s)]. Bryansk, Izd-vo BGU im. akad. I.G. Petrovskogo, 2005. 800 p. (In Russ.).

14. Dubrovskii A.M. *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930—1950-e gg.)* [The authorities and the historical thought in the USSR (1930s-1950s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017. 622 pp. (In Russ.).

15. Eroshkina O.N. Intel'ktual'no-tvorcheskii potentsial dorevolutsionnoi intelligentsii Petrograda-Leningrada v usloviyakh NEPa [The intellectual and creative capacity of pre-revolutionary intellectuals of Petrograd/Leningrad during NEP]. *Intelligentsiya i mir*, 2018, no. 3. (In Russ.).

16. *Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina. Dokumental'naya monografiya* [History in a person. Academic M.V. Nechkina. A documental monograph]. Moscow, Novyi khronograf, 2011. 1104 pp. (In Russ.).

17. Sidorova L.A. Shkoly v sovetskoj istoricheskoi nauke: traditsii i osobennosti [Schools in Soviet historical science: traditions and features]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2012, no. 3 (9). (In Russ.).

18. Sotrudniki RNB — deyateli nauki i kul'tury. Dobiash-Rozhdestvenskaya Ol'ga Antonovna [The employees of the National Library of Russia — researchers and cultural workers. Dobiash-Rozhdestvenskaya Olga Antonovna]. *Biograficheskii slovar'*. Available at: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=44, accessed 03.02.2023. (In Russ.).

19. Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh istorikov vtoroi poloviny XX veka [The destiny of the creative legacy of the Russian historians of the second half of the 20th century]. Moscow, Akvarius, 2015. 440 p. (In Russ.).

20. Tlostanova M.V. Transkul'turatsiya kak model' sotsiokul'turnoi dinamiki i problema mnozhestvennosti identifikatsii [Transculturation as a model of sociocultural dynamics and a problem of multiple identification]. *Voprosy sotsial'noi teorii*, 2011, vol. V, pp. 126-149. (In Russ.).

21. *Transformatsiya obraza sovetskoi istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-kh — seredina 1950-kh gg.* [The transformation of the image of the Soviet historical science in the first post-war decade: the late 1940s — the mid-1950s]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 471 p. (In Russ.).

22. Cherepnin L.V. A.S. Lappo-Danilevskii — burzhuaznyi istorik i istochnikoved [A.S. Lappo-Danilevsky as a bourgeois historian and source studies expert]. *Voprosy istorii*, 1949, no. 8. (In Russ.).

23. Cherepnin L.V. *Moya zhizn'. Vospominaniya. Kommentarii. Prilozheniya. T. 1* [My life. Memoirs. Comments. Appendices. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. 400 p. (in Russ)